

преступление (т. III, стр. 140). В V Катехизисе Симеон смеется над царем, которому вздумалось бы намазать лицо сажей (нет ли в этом намек на темноголикого Иоанна Цимисхия, предшественника Василия II?), а затем — чтобы спасти свою репутацию — раздать сокровища бедным. Но щедрость не поможет этому чудищу, восседающему среди синклита (т. I, стр. 380). Для Симеона торжественность императорского церемониала важнее самых добрых преобразований!

Симеон высоко ценит и вельмож, окружающих императора, — он уподобляет их монахам, несущим службу небесному царю (т. II, стр. 138). То же сравнение мы встретим и в «Главах» (II, 8), где идет речь о бедняке, достигшем блестящей должности, облаченном в роскошную одежду и с любовью взирающем на императора, своего благодетеля: так истинный монах взирает на Христа. Не знатность, а близость к престолу возносит человека, предел человеческих мечтаний — получать приказы непосредственно от императора (Гл. II, 1).

Любопытно и этическое учение Симеона, особенно его враждебное отношение к дружбе. В IV Катехизисе он высмеивает дружбу, сводит ее к совместной жратве (т. I, стр. 334—338). Спасение не в том, чтобы пожалеть весь мир, и не в том, чтобы обойти все церкви на земле, но чтобы раскаянием очистить свою собственную душу, чтобы самому исполниться светом (т. III, стр. 218—220; ср. стр. 18). «Как бы ты не разрушил свой дом, — поучает Симеон в «Главах» (I, 83), — если захочешь помочь домостроительству ближнего». Кривошеин (т. I, стр. 28) полагает, что любовь к ближнему — основная тенденция сочинений Симеона. Однако что это за любовь? Симеон проповедует любовь к богу, может быть, даже абстрактную любовь к человечеству в целом — но у него нет любви к человеку, к ближнему.

Чтобы понять место Симеона в истории византийской общественной мысли, нужно было бы сопоставить его сочинения с трудами его современников. В этой связи весьма плодотворна попытка Даррузе установить родство между Симеоном и писателем XI в. Кекавменом¹¹. Правда, Даррузе ограничивается лишь сферой мистики, тогда как родство обоих авторов заметно и в социально-политических, и в этических взглядах: как и Симеон, Кекавмен преклоняется перед царской властью, боится дружбы, отстаивает эгоистическое благополучие. По-видимому, «Советы и рассказы» Кекавмена — порождение той же идейной среды, которая выдвинула и Симеона (кстати сказать, обоих авторов роднит и сходство литературной манеры, и тяга к просторечью).

А. К.

H. GLYKATZI-AHRWEILER. LA CONCESSION DES DROITS INCORPORELS. DONATIONS CONDITIONNELLES

«Actes du XIIe Congrès International d'études byzantines», t. II.
Beograd, 1964, p. 103—114

Небольшая статья французской исследовательницы Э. Гликаци-Арвейлер посвящена весьма важной проблеме — становлению феодальной собственности. Правда, термин «феодализм» по-прежнему не всплывает на страницах рецензируемой работы, как не появлялся он в ее более ранних трудах, однако, поскольку исследовательница говорит о переходе основных масс крестьянства под личную власть бенефициариев, получателей крестьянской ренты (стр. 114), ясно, что она имеет в виду институты, которые в нашей литературе принято называть феодальными.

Предмет статьи — определение и классификация условных дарений в Византии при Комнинах и Палеологах, т. е. в XI—XV вв. (правда, в некоторых случаях привлекаются более ранние источники, например, «Трактат об обложении»). Уже из этого видно, что работа — скорее юридическая, нежели историческая: автор обычно не ставит своей задачей рассмотрение эволюции институтов, но считает их как бы синхронно существующими. Пожалуй, при запутанности проблемы на данном этапе это оправдано. Приведу один пример: согласно весьма распространенному (по-моему, впрочем, недостаточно аргументированному) взгляду, прониэволюционировала от пожизненной к наследственной; Гликаци-Арвейлер воздерживается от подобного категорического суждения и говорит о прониэ, ограниченной временем (*temporaire*), и о прониэ наследственной (*héréditaire*) как о параллельно существовавших учреждениях (стр. 110 и сл.).

По мнению исследовательницы, наряду с «чистым даром», который передавал объект дарения в непосредственное владение, византийское законодательство знает условное дарение (*δωρεά υπό αίρεσιν*), т. е. совершаемое на определенных условиях. пожалование невенных прав (*ἀσφάλτα δίχατα*) принадлежит к последней категории дарений (стр. 103). пожалование это осуществлялось императором и состояло в передаче физическому или юридическому лицу (бенефициарию) права на определен-

¹¹ J. Darrouzès. Kékauménos et la mystique. — REB, 21, 1964, p. 282 sq.

ный доход (обычно, годовой) в деньгах и — реже — в натуре, выдаваемый из фискальных или нефискальных сумм (стр. 105). Гликаци-Арвейлер выделяет две категории таких пожалований: первую она называет *concession*, «пожалование», вторую — *dévolution*, «передача»; по ее мнению, первая категория знаменует здоровую экономическую политику, вторая же ведет к подрыву авторитета государства (стр. 114). Внутри этих двух категорий автор выделяет некоторые подгруппы.

Пожалования разделяются на солемнии и харистикки; солемнии, в свою очередь, могут состоять либо из определенной квоты (акростиха) поземельного налога, либо же из той или иной пошлины (коммеркий, право на рыбные угодья и т. п.). При пожаловании солемния бенефициарий получает ренту или фиктивное вещное право (*un bien immeuble fictif*), различие же между обоими видами солемния состоит в следующем: при пожаловании квоты поземельного налога сумма строго фиксируется, тогда как размеры переданной пошлины не определены дарением; передача поземельного налога бенефициарию совершается соответствующим податным ведомством, тогда как переданные в частные руки пошлины обычно (но не исключительно) взимаются самим бенефициарием; передача акростиха — чисто личное пожалование, тогда как право на взимание пошлин в некоторых случаях может передаваться другим лицам (стр. 105—107).

Харистиккий — это пожалование знатым лицам монастырей со всем их имуществом и привилегиями, а также так называемых секретов, т. е. полугосударственных (*sémi-étatiques*) учреждений (Манганы, Мирелеон и др.), ведавших государственными доменами. Харистиккий монастырь мог быть и личным, и наследственным в двух или трех поколениях, пожалование секрета — только личным (стр. 107—109). Гликаци-Арвейлер убедительно полемизирует с Г. А. Острогорским (стр. 108, прим. 32), рассматривая передачу Манган Лихуду при Константине IX Мономахе не как пронию, но как харистиккий секрет Манган¹.

Передача фискальных и нефискальных доходов отождествляется исследовательницей с пронией. Автор определяет пронию как «право на получение и использование дохода — фискального или вообще хозяйственного (*économique en général*), — поступающего с территориальной единицы (малой или большой), населенной и возделываемой собственниками земли» (стр. 109). Исследуя пронию, автор в некоторых случаях не ограничивается классификацией ее видов, но и намечает историческую эволюцию: так, она полагает, что прония (= «дарение париков») вытеснила (особенно при Мануиле I) пожалование солемниев (стр. 106).

Развивая мысли, высказанные в одной из ее более ранних работ², Гликаци-Арвейлер разделяет два вида проний: один она называет стратиотской пронией (включая суда и пронии, переданные чиновникам), другой — «апанажем». Стратиотская прония определяется ею как невещное право (*droit incorporel*), как фиктивное вещное право (*bien fictif*), как передача небольшого поместья (проастия или деревни) в принципе на время и в обмен на определенную службу (стр. 110 и сл.); напротив, «апанажи» представляли собой наследственное пожалование значительных районов, включающих деревни и города (стр. 112).

Те институты (солемний, харистиккий, прония), о которых говорит Гликаци-Арвейлер, занимали весьма важное место в правовой структуре Византийской империи и в значительной мере определяли (или выражали) ее специфику. Попытка французской исследовательницы классифицировать их заслуживает всяческого внимания. Некоторые же моменты в предложенной ею классификации вызывают возражения.

Так, на стр. 106 передача бенефициарию коммерция, пошлин с рыбных ловель и рудников и тому подобных статей отнесена в разряд солемния, тогда как на стр. 111 те же самые «фискальные права» рассматриваются как уступленные в пронию; при этом в аппарате как в том, так и в другом случае присутствуют пошлины с евреев Зихны, упомянутые в актах Меникийского монастыря (прим. 21 и 53). Так что же это — солемний или прония?

В 1949 г. я выдвинул гипотезу о существовании в Византии особого типа условного пожалования, так называемого арифмоса; он заключался в передаче бенефициарию права на определенное число париков, которое не могло быть увеличено. Пожалование арифмоса отличалось от пожалования деревни со всеми живущими там крестьянами — *ἄσους καὶ οἴους*, как говорится в дарственной 1385 г.³ Гипотеза

¹ Так же трактовал и я это известие Скилпы уже в 1952 г. (А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 212 и сл.). Ср. об этом еще: К. Н. Ю з б а ш я н. «Варяги» и «прония» в сочинении Аристархеса Ластивертци. — ВВ, XVI, 1959, стр. 24—28.

² Н. G l y k a t z i - A h r w e i l e r. La politique agraire des empereurs de Nicée. — Вуз., 28, 1958 (1959), p. 58—63.

³ А. П. К а ж д а н. Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова. — ВВ, II, 1949, стр. 321. Ср. А. П. К а ж д а н. Аграрные отношения..., стр. 102.

об арифмосе была развита Г. А. Острогорским⁴, однако арифмос не нашел себе места в системе условных пожалований, разработанной Гликаци-Арвейлер.

Далее, по мнению исследовательницы, в византийских условиях пожалование всегда исходит из одного источника — от государства (стр. 103). Впрочем, она нарушает этот строго монастический признак, допуская (стр. 108), что характеристики могут быть раздаваемы как императором, так и патриархом. В документах мы встречаемся с иным типом условного пожалования — с передачей земли на срок жизни; «инфеодацию» в этом случае совершают монастыри, а возможно, и светские лица⁵.

Но наиболее сложный вопрос, встающий в связи с поднятой Гликаци-Арвейлер проблемой, — это вопрос о юридической природе прав бенефициария: можем ли мы говорить только о фиктивном вещном праве, как делает исследовательница, или же о земельном владении *de jure*, как поступает в отношении пронии К. В. Хвостова?⁶

Вопрос этот представляет большие трудности прежде всего потому, что в источниках мы встречаем трактовку пронии и как земельного владения, и как налоговой суммы (последнее определение всего отчетливее выступает в простагме Михаила VIII Палеолога). — почему я первоначально и не решился раннюю пронию называть земельной собственностью. Однако в дальнейшем я стал рассматривать пронию XI—XII вв. как условную собственность, исходя из понятия о феодальной собственности как корпоративной, где верховные права принадлежат всему сословию (в Византии — государству) и где всякая рента предполагает наличие какой-то доли вещного права. Пронию, характеристик, арифмос и пожалование на срок жизни я пытался рассматривать как четыре формы условной собственности⁷. На трудности проблемы указывал еще Г. Г. Литаврин, отмечавший противоречие между юридической формой пронии (право на ренту) и ее вещным содержанием (феодальная собственность)⁸.

К сожалению, Гликаци-Арвейлер игнорирует эти трудности и безоговорочно расценивает пронию как *droit incorporel*. Кстати сказать, право конфискации (*ἀποστῆναι*), которое исследовательница считает спецификом стратиотской пронии (стр. 111, прим. 47), распространялось в Византии на различные категории земельной собственности⁹.

Гликаци-Арвейлер поставила большую проблему. Ее заслуга в том, что, решая эту проблему, она исходила не из терминологии, а из конкретной действительности (это позволило ей, в частности, выявить разные формы пронии). Но пренебреженные работами советских ученых значительно обеднили выводы Гликаци-Арвейлер.

А. К.

D. SAVRAMIS. ZUR SOZIOLOGIE DES BYZANTINISCHEN MONCHTUMS

Leiden—Köln, 1962, VI + 99 S.

Небольшая книга Демосфена Саврамиса — первая попытка оценить место монашества в византийском обществе. Автор ставит две проблемы: 1) влияние монашества на «социальные отношения» (*soziale Verhältnisse*; этим термином Саврамис обозначает не отношения между различными социальными группировками, как в нашей научной литературе, но нечто чрезвычайно расплывчатое — отношения людей в обществе) и 2) «социологическая структура византийского монашества» (стр. 6). Последнее понятие, впрочем, оказывается в книге Саврамиса вполне неопределенным: ясно, как соотносится эта *soziologische Struktur* с выступающей через несколько строк *soziale Struktur*; ясно, далее, как соотносится вторая про-

⁴ G. Ostrogorski j. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 27 sq.

⁵ А. П. Каждан. Формы условной собственности в Византии X—XII вв. М., 1960, стр. 2 и сл. (переиздано на немецком языке: «Труды XXV Международного конгресса византистоведов». М., 1962, стр. 481—487).

⁶ К. В. Хвостова. О некоторых особенностях византийской пронии. — ВВ, XXV, 1964, стр. 214. К взглядам Гликаци-Арвейлер близок также А. Хольверг: A. Hohlweg. Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen. München, 1965, S. 82—93.

⁷ «Мы остановимся на четырех основных формах византийской условной собственности X—XII вв., — писал я («Формы...», стр. 2), — пожалование на срок жизни, характеристик, прония и арифмос». Я останавливаюсь на этом подробно потому, что К. В. Хвостова в указанной выше статье (стр. 213) приписала мне представление о пронии как о праве на определенное количество налогов, смешав изложение простагмы Михаила VIII с авторским суждением.

⁸ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 146.

⁹ А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 141 и сл.